

Ресайклинг советского детства

Светлана Маслинская

Магия пионерской символики:

СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Svetlana Maslinskaya

The Magic of Young Pioneers' Symbols: The Soviet Past in Contemporary Children's Literature

Светлана Маслинская (ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), старший научный сотрудник Центра исследований детской литературы; кандидат филологических наук) braunknopf@gmail.com.

Svetlana Maslinskaya (PhD; Senior Research Fellow, Center for the Study of Children's Literature, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House)) braunknopf@gmail.com.

Ключевые слова: современная российская детская литература, пионерская организация, пионерская символика, ресайклинг советского детства, культурная память

Keywords: contemporary Russian children's literature, Young Pioneers, Young Pioneer symbols, recycling of Soviet childhood, cultural memory

УДК: 821.161.1

UDK: 821.161.1

В статье детская литература рассматривается как канал передачи юным читателям нормализованного знания о советском прошлом, в частности о пионерской организации Советского Союза. Исследуя детскую литературу (прежде всего на уровне лексики), автор приходит к выводу, что символика и идеалы пионерской организации интерпретируются современными писателями как идеологически непротиворечивые в отношении новых контекстов и лишённые коллективных травматических коннотаций. Сюжетные и жанровые особенности, возникающие в результате ресайклинга пионерской идиоматики и ритуальных практик в рамках литературных репрезентаций, определяются степенью «зримости» повторно используемых форм прошлого.

In this article, children's literature is viewed as a channel for delivering normalized knowledge about the Soviet past to the contemporary young reader, especially about the Young Pioneer organization of the Soviet Union. By analyzing children's literature (primarily on the lexical level), the author comes to conclusion that Young Pioneer symbols and ideals are interpreted by contemporary writers as ideologically compatible in relation to new contexts and devoid of collective traumatic connotations. The characteristics of narratives and genres that result from recycling of Young Pioneer idiomatic expressions and ritual practices in the framework of literary representation, are determined by the degree of "visibility" of reused cultural forms from the past. In contemporary children's literature, material objects of the Young Pioneer past (red ties and the camp itself) have greater aesthetic potential than the Young Pioneer ideology, and are used even in literary genres in which in Soviet culture they could not have been represented (for example, in thrillers or mysteries).

В энциклопедии для девочек под названием «Девчоночьи секреты», автор которой укрылся под псевдонимом Аурики Луковкиной, в соннике, под литерой «Г» среди прочих толкуемых явлений можно найти и галстук:

Галстук — если во сне ты надеваешь его кому-то на шею, значит в скором времени влюбишься в этого человека. Если галстук ты надеваешь сама, то это предвещает одиночество. Пионерский галстук вернет тебя в прошлое, заставит немного по-сентиментальничать, прослезиться, но это скоро пройдет. Скаутский галстук — ты добьешься успеха среди товарищей благодаря прирожденному таланту организатора [Луковкина 2013: 208].

Пионерская организация прекратила свое существование осенью 1991 года вместе с запретом КПСС. Тот, кто родился в середине 1980-х годов, не успел вступить в ее ряды, не говоря уже о нынешних подростках, которым, казалось бы, и адресована энциклопедия Луковкиной. Что же значит для современного читателя пионерский галстук? Почему эта вещь должна вызвать у него желание «посентиментальничать» и «прослезиться»? Ведь речь идет об атрибуте, не связанном с личным опытом: из всего разнообразия дисциплинарных практик, характерных для советского прошлого, пионерская организация, ее структура, ритуалы и атрибутика — для современных детей *terra incognita*, пожалуй, в еще большей степени, чем другие¹. В отличие от школьного, пионерский опыт есть уже не у всех.

С роспуском пионерской организации ее идеи, практики и символика были переведены в разряд ценностей семейной истории и индивидуальной памяти о пионерском детстве. И хотя музеи пионерского движения все еще существуют, они представляют собой скорее заповедники запылившихся древностей, нежели современные интерактивные площадки для приобщения детей к знанию об организации, членом которой с конца 1920-х годов был практически каждый советский ребенок. Экспозиции, посвященные пионерскому движению, как правило, становятся частью школьных музеев и носят патристически-краеведческий характер: пионерские галстуки здесь соседствуют с артефактами времен Великой Отечественной войны. Дворцы и дома пионеров в 1990-е годы были переименованы в Дворцы и Дома детского и юношеского творчества, а музеи истории пионерии, имевшиеся во всех крупных городах при Дворцах пионеров, — в музеи истории детского движения.

При этом, в отличие от широкого публичного обсуждения опыта войны с фашистскими захватчиками, история пионерской организации, ее будни и праздники не стали объектом напряженного общественного осмысления. Такого рода прошлое не представлялось и не представляется чем-то достойным всеобщего публичного внимания.

Когда исследователи размышляют над культурными механизмами памяти о советском прошлом, их интерес тоже преимущественно сосредоточен на травматичном опыте войн и репрессий. Так, Александр Эткинд определяет посткатастрофическое состояние советских людей как горевание по утраченному коммунистическим идеалам: «...скорбь по жертвам советского эксперимента сосуществует со скорбью по идеям и идеалам, похороненным вместе с этим экспериментом» [Эткинд 2016: 24]. Если же развивать «похоронную»

1 В середине 1990-х годов пионерское движение было восстановлено, однако нельзя сказать, что оно носит сейчас массовый характер.

метафору Александра Эткинда применительно к пионерской организации, то последняя предстает частью советской истории, которая умерла преждевременной смертью, притом что желающих оплакивать ее идеалы и практики — детский коллективизм, патриотизм, общественно-полезный труд — нашлось немного. Свидетельством необременительности этой утраты, в конце концов, может послужить и та легкость, с какой пионерское движение, хоть и в несравнимо меньших масштабах, восстало из пепла в середине 1990-х годов. Примечательно, однако, что при исчерпанности и «формализме», обнаружившихся еще в 1970—1980-е годы, как раз формализованные коллективные практики, почти исчезнувшие в начале 1990-х, в 2000-е удостоились ресайклинга. Ныне, как и в советское время, дети ездят в лагеря (пусть «оздоровительные», а не пионерские), в школах проходят смотры строя и песни, «линейки» и сборы макулатуры...

Эти и аналогичные им приемы воспитания, реинтерпретированные в 2000-е годы, продуктивны по сей день. Но символы и атрибуты пионерской организации, ее когда-то четкая иерархическая структура (дружина = коллектив учеников 4—8 классов, отряд = класс и так далее) не видны в школе и досуговых детских учреждениях.

Не все топосы «страны Пионерии» равно значимы для тех, кто обращается к ней в воспоминаниях. Пионерское детство, оставаясь частью индивидуального и коллективного прошлого, запаковано в пыльный мешок, из которого, как бирюльки, извлекаются лишь некоторые сюжеты и факты. По справедливому замечанию Марии Литовской, «советское постепенно забывается, в рассказе о нем возникают лакуны, которые компенсируются фрагментарностью, опорой на фантазию, мифологизацией на основании предшествующего культурного опыта и в русле новых возникающих концепций» [Литовская 2011: 332]. Историю пионерской организации не пишут и не переписывают с такой настойчивостью, как историю войны. Это прошлое сохраняется большей частью лишь в памяти людей, некогда бывших пионерами, а значит, оно фрагментируется с большей силой при пересборке в новые нарративы, в том числе и литературные.

Возвращение «пионерского детства» за счет включения его фрагментов в литературные произведения может быть только избирательным. Но так же фрагментарно изображалась пионерская жизнь и в советской детской литературе. Советские писатели с их установкой на «достоверность» свой материал, безусловно, тоже «отсортировывали» — что-то попадало в школьную или каникулярную повесть, а что-то нет. Они изображали «настоящую» пионерскую жизнь, но вероятность появления в произведениях пионерского костра с коллективными песнопениями была выше, чем процедуры исключения из пионеров.

Существует фрагментарность, обусловленная абберациями памяти, а есть фрагментарность, связанная с самой природой художественного нарратива, в том числе — с его принадлежностью к определенному жанру. В 1990-е годы в детской литературе принципиально изменилась жанровая система, в частности расширившись за счет тех форм, для которых изображение правдоподобной, «типичной» повседневности не главная цель. Иными словами, причины появления пионерской топики в современном мистическом триллере или детективе стоит искать в нарративных паттернах «ужасного» или «тайного».

С учетом всего этого в качестве основных вопросов статьи я полагаю следующие: что из пионерской повседневности изображалось в детской литературе до роспуска организации и что допущено в нее после этого? Был ли разрыв в представлении пионерской темы? Что из пионерского прошлого возвращается в современную детскую литературу и в каком отношении возвращаемое реактуализируется?

В поиске ответов на них был использован прозаический корпус русской детской литературы (ДетКорпус)², что позволило избежать произвольности в отборе произведений, репрезентирующих пионерское детство. В качестве предмета анализа взят лексический, а не сюжетный уровень текста. Запросы строились таким образом, чтобы выявить, в каких лексических контекстах русской детской литературы встречаются слова «пионер» и «пионерский». Среди выявленных лексем-партнеров обнаружили те, что чаще сочетаются с названными словами в пределах небольших текстовых фрагментов. Таковыми, например, оказались слова «лагерь» и «галстук». И те, что реже — «наш» и «настоящий». Наиболее характерные, то есть более частотные, коллокации дают представление о том, каким образом конструируется пионерское детство в детской литературе: авторы при отборе материала с очевидностью предпочитают одни «фрагменты» пионерской «действительности» другим. Для оценки сдвигов в этих предпочтениях тексты были разбиты на два подкорпуса. В первый вошли произведения, опубликованные до 1991 года, во второй — появившиеся позже. В рамках каждого из них рассматривались как сходства, так и различия коллокаций лексем «пионер» и «пионерский».

Отбор пионерского материала авторами детской литературы, писавшими до роспуска пионерской организации, осуществлялся иначе, чем теми, кто в 2000-е годы реконструировал пионерское прошлое. В произведениях, написанных до 1991 года, значительно шире представлена пионерская идиоматика: и в отношении самого набора идиом, и в отношении их частотности. Персонажи советской детской литературы широко применяют в своей речи призывы, лозунги, формульные обращения, речевые клише («честное пионерское», «будь готов — всегда готов», «торжественное обещание», «пионер — всем пример»), восходящие к уставным текстам пионерской организации³.

Так, на протяжении всего советского периода писатели при передаче разговорной речи детей использовали идиому «честное пионерское»:

— Бабушка, — завизжал Юрка, — я ему дал *честное пионерское слово*⁴, что он останется... [Ларри 1926: 12]

— Это мой папа, — сказала Алюта.

— Он всегда меня дразнит. Но только он добрый. Вот *честное пионерское* — добрый.

2 Общее количество текстов за период с 1920 по 2018 годы — 1754, из них 883 — произведения советской детской литературы; 871 произведение опубликовано после 1991 года (данные приведены на момент 24.10.2019). В жанровом отношении корпус включает в себя сказки и различные тематические разновидности «реалистической» направленности (школьная повесть, юмористический рассказ и другие). В постсоветскую выборку, помимо прозы о повседневности, вошли детективы, фэнтези, триллеры и романы для девочек. Доступ к поисковому интерфейсу «ДетКорпуса»: <http://detcorpus.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

3 Подробнее о составе и генезисе пионерской идиоматики см. в: [Леонтьева 2008].

4 Здесь и далее курсив в цитатах мой. — С.М.

— Да я с ним знаком, — ответил Травка понимающим голосом [Розанов 1936: 110].

И Катя стала писать дальше: «А теперь и весь наш класс, весь отряд по звеньям, дал *честное пионерское*, что все у нас пойдет по-другому. И уж никто — никто не сможет сказать, что мы у Вас распустились. Дорогая Людмила Федоровна, *честное пионерское* — все будет хорошо!» [Ильина 1955: 195]

После 1991 года «честное пионерское» встречается только в произведениях, ретроспективно изображающих советское время, однако, реконструируя речь советских детей, авторы уже не используют его в тех контекстах, где это ожидается. Можно назвать редкие исключения из этого правила — например, повести Светланы Волковой «Золотой цыпленок» (2017) и Людмилы Никольской «Должна остаться живой» (2003)⁵. То же самое относится и к другим разговорным штампами и клише, широко представленным в советской детской литературе.

В исключительных случаях «пионерские» идиомы обнаруживаются в произведениях о «нынешнем веке», с тем чтобы указать на анахронизм в поведении персонажа:

— Ленка! Тебе бы в прошлом веке жить! — перекрыл голоса ребят выкрик Изотова.

— Это почему? — удивилась Прокопчина.

— В октябрята бы вступила или в пионеры. Или в комсомол!

— Зачем? — удивленная Лена никак не могла понять, куда клонит Ромка.

— Затем! Это у них там было: «Будь готов!» — «Всегда готов!» А сейчас другие времена: хочу — иду на твои дополнительные занятия, хочу — не иду. Мое дело!

— Ромашка прав, — вступил в разговор Карамышев. — Ты, Прокопчина, прямо какое-то ископаемое животное. Динозавр. Нет, динозавриха! [Лубенец 2008: 102]

Обычно писатели не стилизуют речь советских детей в произведениях о прошлом, но есть и обратная тенденция: в попытке передать реалии советского прошлого авторам детской литературы не всегда удается избежать лексических подмен-подделок. Например, в книге Андрея Жвалецкого и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее» (2009) употребляется словосочетание «пионерское собрание». Однако в советской детской литературе такое сочетание встречается крайне редко. Можно вспомнить лишь единичные случаи такого рода — например, в повестях Германа Матвеева «Первая весна» (1952) и Юрия Томина «Борька, я и невидимка» (1962). Зато слово «собрание» широко представлено в сочетании с определениями «общее», «комсомольское», «родительское», «классное» (в порядке частотности). Аналогичная лексическая подмена обнаруживается в рассказе Светланы Волковой «Пенальти»:

Санька знал ее еще с младших классов, когда-то она, в то время член совета школьной пионерской дружины, выступала против принятия в пионеры «шайки отпетых сорванцов, позорящих район» [Волкова 2017: 297–298].

5 Показательный случай разрушения идиомы представляет собой название книги М. Сеславинского «Частное пионерское». В его автобиографической книге о детстве 1970-х годов выражение «честное пионерское» не упоминается ни разу.

В детской литературе до 1991 года не встречается атрибутивного сочетания «школьная пионерская дружина», потому что атрибут «школьная» был противопоставлен атрибуту «лагерная», а определение «пионерская» в этом контексте было избыточным: ни октябрятской, ни комсомольской дружины в советское время не существовало. Такое нарушение сочетаемости в современной детской литературе демонстрирует, как при утрате памяти о пионерской организации трансформируются узуальные составляющие ее наименования.

Помимо разрушения лексической узуальности меняется сам набор реалий, которые привлекались в контексте пионерской темы в советское время и в современной литературе, обращенной к реконструкции прошлого. В произведениях, опубликованных до 1991 года, с лексемами «пионер» и «пионерский» наиболее часто встречаются слова, обозначающие пространство и структуру организации — «лагерь», «отряд», «сбор», «дворец», «дружина», «организация», «комната». Писатели изображают повседневную жизнь советских детей как протекающую внутри пионерской организации, поэтому само пространство пионерских практик и их структурные единицы становятся необходимыми элементами разметки социального мира детей. Пионерский лагерь, пионерская комната и Дворец пионеров — места действия реалистических произведений советской детской литературы. Ребенок-персонаж показан как член пионерского отряда, его пионерское звено борется за право носить имя маршала Буденного, и он боится опозорить пионерскую организацию:

Володя побаивался, как бы в таком длинном письме не оказалось столько ошибок, что он опозорит не только себя, но и Светлану Смирнову, и Юлию Львовну, и всю свою пионерскую организацию, и город Керчь [Кассиль 1962: 157].

Временная утрата пионерской «разметки» повседневности во время войны вводит советских детей в замешательство. Восстановление порядка — радует. Героиня повести Валентины Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи», узнав, что на оккупированной фашистами территории будет восстановлена привычная ей структура, восклицает:

У нас будут звенья? И пионерские отряды? И сборы? «Как раньше?» — спрашивала Лида Зорина. — Все, все будет! Конечно, это не так скоро — мы должны быть очень осторожными [Осеева 1952: 305].

После 1991 года прежняя разметка пионерского пространства не только сокращается до двух элементов — *лагерь* и *линейка*, но и распределена между текстами значительно менее равномерно. Среди произведений, реконструирующих советское детство, пионерская тематика оказывается существенно значимее для тех авторов, кто обращается к темам тоталитарного насилия и ограничения свобод. Пионерская топонимика используется здесь, чтобы продемонстрировать отрицательные стороны советского режима — формализм, манипулирование членством в пионерской организации. Характерным образом Ольга Громова в повести «Сахарный ребенок» описывает, как героиню, семья которой была репрессирована, исключают из пионерской организации. Та же Ольга Громова, чтобы информировать современных читателей о неизвестных им реалиях пионерского движения, вставляет в текст порой довольно пространственные исторические справки:

Мы учили законы пионеров Советского Союза и пионерские песни. На первом сборе нам рассказывали, что пионер — всем ребятам пример и что в пионеры принимают только лучших. Мы гордились и с некоторым трудом, заранее тренируясь на материнских платках, осваивали узел, каким надо было завязывать галстук. Настал торжественный день. Это было накануне 7 ноября — годовщины Октябрьской революции. Нас построили в линейку в большом коридоре, а напротив выстроились пионеры — семиклассники. Зазвучал горн, внесли знамя. Старшая пионервожатая произнесла речь. Она говорила, что мы теперь будем не просто дети и не просто советские школьники, а пионеры, которые должны быть во всем первыми и должны помогать нашей коммунистической партии во главе с товарищем Сталиным бороться за светлое будущее всего человечества, а сейчас, пока идет война, мы должны быть бдительными, верить в нашу победу над врагом и своей отличной учебой и трудом помогать нашей борющейся стране [Громова 2014: 128].

Столь детальное этнографическое описание вступления в пионеры призвано восполнить не только отсутствие у современных детей каких бы то ни было знаний о пионерских ритуалах, но и в целом дать представление об идеологии коммунистической детской организации как части тоталитарного режима. В этом настойчивом желании познакомить читателей-подростков с устоями пионерии видится попытка вывести ее из «серой зоны» истории.

Писатели, которые не задаются целью развенчать мифы о счастливом советском детстве в условиях сталинского режима, тот же материал применительно к позднесоветской эпохе 1970—1980-х годов подают в ироническом ключе. Их больше занимает само наличие разрыва в опыте современных детей и их советских предшественников: в произведениях о «попаданцах» Тамары Кроковой «Повторение пройденного» (2007) и Андрея Жвалевского и Евгения Пастернак «Время всегда хорошее» (2009) дети 2000-х, переместившись в советскую эпоху, обнаруживают полную неосведомленность о том, что такое пионерская организация и как была устроена ее жизнь. У Жвалевского и Пастернак девочка из 2000-х годов разговаривает со своей сверстницей из 1980-х, которая убеждена, что ее собеседница «знала, но забыла» Законы пионеров:

— Хорошо, — сказала Ира, — Законы пионеров Советского Союза: пионер предан Родине, партии, коммунизму, пионер готовится стать комсомольцем, пионер держит равнение на героев борьбы и труда, пионер чтит память...

— Слушай, ты это все наизусть знаешь?

— А как же! И ты тоже знаешь! Пионер настойчив в учении, пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду...

— Слушай, и что, у вас тут все такие?

— Где у нас?

— Ну здесь... — я обвела рукой вокруг. — Все с галстуками — значит, все пионеры?

— Ну да [Жвалевский, Пастернак 2009: 133—134].

В автобиографических произведениях о позднесоветском времени доминирует ностальгический дискурс. Михаил Сеславинский в «Частном пионерском» с симпатией вспоминает пионерскую комнату и пионерский лагерь:

На переменках я частенько заходил... в пионерскую комнату. В это время здесь царила особая сутолока: девчонки и мальчишки из разных классов готовились к проведению множества интересных и увлекательных мероприятий. Особенно

всем нравилась военно-патриотическая игра «Зарница», когда мы выезжали за город на целый день [Сеславинский 2010: 121].

В его воспоминаниях и поляна, где проводятся спортивные соревнования, «живописная», и обед «замечательный», и разборка «настоящих автоматов» рассказчику в радость. Жизнь советских детей при всей избирательности показана в континуальной связности, неконфликтности идеологически нагруженных («майский трудовой десант») и нейтральных (коллекционирование марок, безбилетный проезд в транспорте, покупка бочкового кваса) практик.

Наконец, отдельного внимания достоин сборник рассказов Светланы Волковой «Джентльмены и снеговики» (2017), в котором лексемы «пионер» и «пионерский» употребляются чаще, чем у других авторов, описывающих советское детство. С сопоставимой частотой они, правда, встречаются в произведениях Ельчина и Громовой, рисующих сосуществование пионерского галстука и сталинских репрессий. Однако тон рассказов Светланы Волковой — нейтрально-заинтересованный, лишенный как морального осуждения, ощутимого у Ельчина и Громовой, так и ностальгического флера Сеславинского, старательно изображающего советский мир как идиллию. Поданные как естественная среда жизни советских детей, пионерские реалии у Волковой сугубо инструментальны — герой рассказа «Золотой цыпленок» по наличию галстука определяет возраст интересующей его девочки, не более того:

Больше всех Димке понравилась рыженькая. Ее косички, завязанные баранками у маленьких розовых ушей, отливали на солнце медью, а круглое мраморное личико, усыпанное веснушками, было трогательным и нежным. Одно только огорчило Димку: на шее девочки висел пионерский галстук. Это, к величайшему Димкиному сожалению, было неоспоримым доказательством того, что она его, второклассника, в упор не разглядит. Такие уж они, девчонки, — младших пацанов за кавалеров не считают [Волкова 2017: 31].

В основу сюжета другого рассказа положена ситуация доноса. Мальчик Алеша пишет письма «в органы» под диктовку своей соседки по коммунальной квартире: доносительство и клятва на пионерском галстуке сосуществуют в мире героя как взаимосвязанные элементы советского образа жизни. Никакой моральной оценки этому сосуществованию автор не дает: о нешуточных последствиях поступка пионера Алешки умалчивает, соседка в конечном итоге представлена сумасшедшей, моральная проблема описанной ситуации нивелируется.

Донос пионера на врага советской власти — характерный мотив советской детской литературы, но в контексте современного либерального дискурса о репрессиях, представленного в произведениях Евгения Ельчина, Ольги Громовой, Ольги Колпаковой, Юлии Яковлевой, ревизионизм Светланы Волковой заставляет задуматься не только и не столько о возможности такой этической позиции в детской литературе, сколько о тайне двойного нарратива о пионерском прошлом и *допустимостях*⁶ пионерской символики в контекстах, отличных от изначальных, в нарушение их утвердившихся идентичностей.

6 *Affordances* [приемлемость] — термин, предложенный Ромом Харре вслед за Джеймсом Гибсоном и используемый, в частности, Виктором Вахштайном в работе, посвященной микросоциологии игрушек [Вахштайн 2013: 23].

Наиболее показательна в этом отношении «нереалистическая» современная проза для детей — фэнтези, триллеры и детективы, — авторы которой наглядно демонстрируют границы допустимости включения в нарратив материальных объектов, ассоциированных с пионерской организацией. Это касается как тех, кто был ее членом, так и тех, кто пишет о советском детстве, не обладая таким опытом.

Идеология пионерской организации, ее уставные тексты и ритуальные практики не востребованы в современных формульных жанрах. В то же время верхние строки рейтинга наиболее частотных слов в контексте употребления с лексемами «пионер» и «пионерский» заняли слова, обозначающие материальные артефакты и ландшафтные объекты — «галстук» и «лагерь».

Пионерский галстук — персональный атрибут члена пионерской организации. В течение нескольких лет шесть дней в неделю каждый пионер его надевал. Таким простым обстоятельством — регулярностью — собственно, и объясняется факт, что пионерский галстук оказался лидером среди упоминаний как в советской, так и постсоветской прозе. Сыграло роль, конечно, и то, что этот предмет пионерского гардероба описывался в стихах⁷, прозе, драматургии, что он постоянно присутствовал в пионерской иконографии и в детском кино. Но, думается, что именно в силу сцепленности пионерского галстука с личным, телесным опытом нынешних взрослых писателей он припоминается лучше всего остального. Важно и то, что этот «фрагмент прошлого» вещественен, обладает материальной внятностью, дающей возможность присвоить его целиком в качестве портретной детали героев или сюжетообразующего элемента, «макгаффина», если вспомнить термин Хичкока.

Символический потенциал пионерского галстука, основанный на его метонимической связи с «нашим знаменем» цвета крови борцов за советскую власть крайне востребован в современной «нереалистической» формульной прозе. Это атрибут тесно связан с событиями, имеющими мистический, эзотерический характер. Разлагающаяся, исчезающая материальность галстука возрождается в сюжетах, основанных на столкновении достоверного и вымышленного, живого и мертвого, молодого и старого. Как будто случайно найденный, извлеченный из старья и хлама, галстук выступает в роли медиатора между тленом и витальностью: в триллере Елены Усачевой героини оживляют разрушающуюся гипсовую статую барабанщицы, надев на нее пионерский галстук [Усачева 2002]; призрак «мальчишки в пионерском галстуке» является главному герою повести Александра Белогорова перед его визитом к соседу — колдуну-чернокнижнику [Белогоров 2002], у Елены Артамоновой галстук используется в функции магического оберега от вампира:

Я рылась в корзине с твоими игрушками, Яна. Знаю, что это нехорошо, но спрашивать разрешения было некогда. Зато нашла то, что нужно.

Она продемонстрировала обнаруженную среди хлама «реликвию» — пару пионерских галстуков, оставшуюся с тех времен, когда моя мама была пионеркой.

— Зачем это? — оторопев, поинтересовалась я.

— Мне был необходим красный шелк, я начала рыться в пакете с лоскутками и обнаружила это.

7 О знаменитом стихотворении С. Щипачева «Пионерский галстук» см.: [Леонтьева 2009].

— Магия — это серьезно, — с глубокомысленным видом изрек Костик и надул щеки. <...>

— А зачем пионерские галстуки?

— Такой амулет надо носить при себе, непременно завернув в красный шелк, — с убийственной серьезностью откликнулась доморощенная ведьма. Ничего другого мне найти не удалось, только эти лоскуты [Артамонова 2003: 83–84].

Перечисляя «все, что нужно для колдовства», — «соль, вода, ладан для очищения предметов, ченила из пепла персиковых косточек, которыми пишут заклипания и чертят амулеты» [Там же: 83] — героиня включает в список и пионерский галстук. Его магическая сила объясняется тем, что он сделан из красного шелка. Аналогичная мотивировка встречается и в триллере Светланы Ольшевской «Смертельно опасные желания» (2011): из заколдованного отреза красной ткани сделано знамя, которое необходимо водрузить на башне в знак победы советской власти. Детские писатели обращаются напрямую к символическому значению красного цвета, но на месте промежуточного звена — вещной формы — возникает именно пионерский галстук, а не отрез красного полотна или бабушкина вязаная крючком красная шаль.

Равным образом пионерский галстук как фрагмент обнаруженного хлама выступает в качестве характерного мотива современных детективов для детей. «Открытие» галстука провоцирует развитие детективного сюжета. Герой детектива Д. Суслина, старик, которого преступники держат в заточении на чердаке, сообщает: «Еще в первый день плена под матрасом я нашел старый пионерский галстук. Кто его здесь оставил, когда?» [Суслин 2008: 152]. Риторические вопросы, заданные бывшим пионером, позволяют рассматривать галстук как знак присутствия прошлого, которое неведомо юным героям произведения. Пионерский символ дает им возможность это прошлое использовать в своих целях, дает власть и над ним, и над настоящим (см. сходные рассуждения в: [Neville, Villeneuve 2002: 6]).

Исчезающая в ощущениях, данная только во фрагментах, пионерская жизнь манит персонажей-подростков как неведомая Атлантида или Вальгалла. Петька, героиня повести Тамары Михеевой «Две дороги — один путь», мечтает играть на горне и именно пионерском горне:

Но пионерия уже распалась, в их городке как-то очень быстро исчезли и красные галстуки, и обязательное и поголовное вступление в ряды Всесоюзной пионерской организации. И горны вместе с флагами и другими атрибутами были убраны в шкафы и кладовки [Михеева 2014: 191].

Мир «пионерии», превращающийся в иллюзию и фантом, завораживает героиню так же, как могли бы заморозить средневековые легенды о рыцарях и, шире, любые легенды о «героях былых времен».

По замечанию Эткинда, «прошлое огромно, целостно и самодостаточно, а то, что вернулось из прошлого, — распылено, фрагментировано и пугающе» [Эткинд 2016: 31]. Спрятанные в кладовки горны, заваленные на чердаках в кучах тряпья галстуки, закинутые на антресоли барабаны — все эти выброшенные предметы прошлого притягивают героев детской литературы, для которых извлечение этих вещей — способ «подключиться» к неведомым и тайным смыслам, воплощенным в сюжетах триллеров и детективов. Тайна рождения пионерского артефакта, его отторгнутость от «естественных», советских прак-

тик, его темное для нынешних читателей прошлое — залог страха перед ним, а значит, и залог успеха в жанрах детектива и триллера.

Взрослые персонажи произведений этих жанров также «всматриваются» в прошлое — одна из глав детектива Елены Артамоновой «Без сокровищ никуда!» (2005) так и называется: «Путешествие в страну мамино детства». С одной стороны, они пытаются разгадать таинственные события своего детства, а с другой — увидеть разрушенные и истлевшие «места памяти». Эту память они хотят разделить со своими детьми. В детективе Артамоновой семья останавливается на ночлег в заброшенном пионерском лагере, в котором некогда бывало взрослое поколение, и все вместе предаются воспоминаниям:

Все семейство вышло на крыльцо и долго сидело, созерцая звезды. Мама с папой вспоминали свое пионерское детство, события, происходившие в этом лагере, а потом даже пели песни. Мальчишки хотели подпевать, вот только слов толком не знали, а потому ограничивались вполне довольным мычанием и неопределенными восклицаниями [Артамонова 2005: 42].

Популярность лагеря как места действия, подходящего для детективов и триллеров⁸, связана с тем, что «следы» присутствия этого ландшафтного объекта еще не стерлись окончательно, как следы пионерской комнаты в школах. Материальность истлевающего галстука сродни видимости разрушающегося пионерского лагеря. Пионерские лагеря продуктивно рассматривать в категориях Джиллианы Пай, размышляющей об объектах, которые «функционируют как точки пересечения институционализированной и частной памяти, между забытым и сохраненным, видимым и невидимым» [Gillian 2010: 3].

Видимость руинизированных пионерских лагерей играет ключевую роль в их востребованности в современной культуре. Это практически единственные сохранившиеся, хоть и не сохраняемые, материальные свидетельства существовавшей некогда коммунистической детской организации. Памятники солдатам Великой Отечественной войны красят серебрянкой и белилами, а гипсовые скульптуры «сигнальщиков и горнистов» как и другие архитектурные объекты пионерских лагерей ветшают. Однако наблюдаемые, в том числе и разрушенные, пространственные объекты лагерей успешно сохраняются в литературном поле и обладают сюжетопорождающей силой наравне с другими заброшенными и разлагающимися объектами, не превратившимися пока еще в неразличимую грудку бетонного и гипсового мусора. Любопытный пример создания пространства страха за счет обращения к руинизированным культовым сооружениям можно найти в уже упоминавшемся детективе Артамоновой «Без сокровищ никуда!». Его героев с самого начала настораживает соседство лагеря и монастыря — оба разрушаются, оба ждут реставрации, оба чреватые преступлением:

Ночь выдалась безлунной, кругом стояла крошечная тьма, а сам окутанный мраком пионерский лагерь выглядел почти так же зловеще, как и древние развалины [Артамонова 2005: 8].

В реальности практики использования фаворитов литературного ресайклинга — *галстука* и *лагеря*, — однако, имеют различия. Пионерский галстук, бу-

8 Литературные, антропологические и историко-культурные причины того, почему пионерский лагерь стал пространством для «страшных» сюжетов детских мистических триллеров 2000-х годов, см.: [Маслинская 2015].

дучи товаром барахолки или арт-объектом музея, утратил свою функциональность неотъемлемой части детского повседневного гардероба. Он размещен в одном символическом ряду с другими музейфицированными предметами, вышедшими по тем или иным причинам из употребления, — пионерский значок, горн и барабан. Многие пионерские лагеря, напротив, были перелицованы в оздоровительные и нередко располагаются в тех же помещениях, что их советские предшественники. Сотни лагерей превратились в руины, но часть подверглась ребрендингу. Да и вновь построенные лечебно-профилактические учреждения называются зачастую по-прежнему — лагерь. Неокончательное исчезновение архитектурных объектов, и в особенности воспроизведение почти в неизменном виде форм характерного для них времяпрепровождения, способствуют замедлению окончательного перехода пионерского лагеря в реестр литературных страшных мест. В «текущей» литературе о летних каникулах соседствуют и реалистическая проза Крапивина, и детективы о современных оздоровительных лагерях. Лагерь как был популярным местом действия детской литературы, так и остался; причина кроется, по-видимому, в детской автономии от взрослых.

Казалось бы, пионерский галстук, будучи всего лишь деталью неактуального гардероба, заведомо ограничен в своих сюжетопорождающих способностях. Но, изначально не являясь профанным гардеробным аксессуаром, галстук выделяется на фоне аксессуаров-историзмов прежних эпох. Он странен в своей отчужденности от человека тем, что его производство и продажа прекращены (сходное отношение должна вызывать пленочная бобина магнитофона, вышедшая не только из производства, но и употребления, так как утрачены и звуковоспроизводящие аппараты). Он приковывает к себе внимание не только необратимой утратой функциональных свойств, но прежде всего утратой некогда высокого символического статуса. Поэтому в массовых жанрах ему приписываются особые магические свойства, как и любым святым реликвиям.

В силу названных особенностей эти видимые реалии прошлого востребованы и в историко-бытовой, и в массовой формульной литературе. Когда пионерское стало прошлым, удаленным во времени и фрагментированным в памяти обладателей «тайным знанием» о нем, ресайклинг «пионерской разметки» во многом обуславливается жанровой спецификой того или иного произведения. В «серьезной» исторической прозе пионерское — это прежде всего реалии прошлого, которые нуждаются в разъяснении, в массовых формульных жанрах — это реквизит, формирующий интригу, и декорация для развития приключенческого действия. Получается, что в современной культуре, и в детской литературе в частности, именно материальные объекты пионерского прошлого (галстук, горн, лагерь, скульптуры) имеют более широкий эстетический потенциал, более энергично, разнообразно эксплуатируются. Устаревшее же идейное содержание, идиоматика и утраченные практики (вынос знамени, сбор металлолома, вступление/исключение в организацию / из организации), напротив, обладают более ограниченной валентностью и в жанровом отношении, и в сюжетном. Они чаще выступают в подчиненной, иллюстративной роли; включаются в ностальгический или обличительный дискурс для передачи авторского отношения к изображаемому.

Пионерское прошлое в современных литературных репрезентациях не стесняется быть фрагментарным и выглядеть истлевшим. Первое помогает вернуть и удержать в поле зрения наших младших современников эту часть

советской повседневности, сделать ее видимой и ценной, второе позволяет включить элементы советского ландшафта в ряд литературных хронотопов и героев — руин и призраков. В последнее тридцатилетие и то, и другое свойство пионерского прошлого превращает его в востребованный материал литературы для детей.

Библиография / References

- [Артамонова 2003] — *Артамонова Е.* Врата в ледяной чертог. М.: ЭКСМО, 2003.
(*Artamonova E. Vrata v ledyanoy chertog.* Moscow, 2003.)
- [Артамонова 2005] — *Артамонова Е.* Без сокровищ никуда! М.: ЭКСМО, 2005.
(*Artamonova E. Bez sokrovishch nikuda!* Moscow, 2005.)
- [Белогоров 2002] — *Белогоров А.* Ученик чернокнижника. М.: ЭКСМО, 2002.
(*Belogorov A. Uchenik chernoknizhnika.* Moscow, 2002.)
- [Вахштайн 2013] — *Вахштайн В.* К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция // *Логос.* 2013. № 2. С. 3—37.
(*Vakhshtain V. K mikrosotsiologii igrushek: stsena-riy, afordans, transpozitsiya* // *Logos.* 2013. № 2. P. 3—37.)
- [Волкова 2017] — *Волкова С.* Джентельмены и снеговики. М.: Детская литература, 2017.
(*Volkova S. Dzhentel'meny i snegoviki.* Moscow, 2017.)
- [Громова 2014] — *Громова О.* Сахарный ребенок. История девочки из прошлого века, рассказанная Стеллой Нудольской. М.: КомпасГид, 2014.
(*Gromova O. Sakharnyy rebenok. Istoriya devochki iz proshlogo veka, rasskazannaya Stelloy Nudol'skoy.* Moscow, 2014.)
- [Жвалевский, Пастернак 2009] — *Жвалевский А., Пастернак Е.* Время всегда хощее. М.: Время, 2009.
(*Zhvalevskii A., Pasternak E. Vremya vsegda khoroshee.* Moscow, 2009.)
- [Ильина 1955] — *Ильина Е.* Это моя школа. М.: Детгиз, 1955.
(*Il'ina E. Eto moya shkola.* Moscow, 1955.)
- [Кассиль 1962] — *Кассиль Л., Поляновский М.* Улица младшего сына. М.: Детгиз, 1962.
(*Kassil' L., Polyanovskiy M. Ulitsa mladshego syna.* Moscow, 1962.)
- [Ларри 1926] — *Ларри Я.* Грустные и смешные истории о маленьких людях. Харьков: Юный ленинец, 1926.
(*Larri Ya. Grustnye i smeshnye istorii o malen'kikh lyudyakh.* Khar'kov, 1926.)
- [Леонтьева 2008] — *Леонтьева С.* Дети и идеология: пионерский случай // *Какорея. Из истории детства в России и других странах. Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики».* 2008. Вып. 1 / Сост. Г.В. Макаревич. С. 124—138.
(*Leont'eva S. Deti i ideologiya: pionerskiy sluchay* // *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh. Trudy seminar RGGU "Kul'tura detstva: normy, tsennosti, praktiki".* 2008. Vol. 1 / Ed. by G.V. Makarevich. P. 124—138.)
- [Леонтьева 2009] — *Леонтьева С.* Как появещь галстук // *Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов. К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова.* СПб.: Институт логики, 2009. С. 62—65.
(*Leont'eva S. Kak poviazhesh' galstuk* // *Kratkiy illyustrirovanny slovar' klishe i stereotipov. K 60-letiyu Pavla Anatol'evicha Klubkova.* Saint Petersburg, 2009. P. 62—65.)
- [Литовская 2011] — *Литовская М.* Советская империя как тема современной литературы // *Ностальгия по советскому / Под ред. З.И. Рязановой.* Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. С. 322—339.
(*Litovskaya M. Sovetskaya imperiya kak tema sovremennoy literatury* // *Nostal'giya po sovet-skomu* / Ed. by Z.I. Ryazanova. Tomsk, 2011. P. 322—339.)
- [Лубенец 2008] — *Лубенец С.* Золотая девочка. М.: ЭКСМО, 2008.
(*Lubenets S. Zolotaya devochka.* Moscow, 2008.)
- [Луковкина 2013] — *Луковкина А.* Девчоночьи секреты. Ижевск: Научная книга, 2013.
(*Lukovkina A. Devchonoch'i sekrety.* Izhevsk, 2013.)
- [Маслинская 2015] — *Маслинская С.* Новые чудовищные места: пионерский лагерь

- в современной детской литературе // Топографии популярной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 165—180.
- (*Maslinskaya S. Novye chudovishchnye mesta: pionerskiy lager' v sovremennoy detskoj literature // Topografii populyarnoy kul'tury. Moscow, 2015. P. 165—180.*)
- [Михеева 2014] — *Михеева Т.* Две дороги — один путь // Михеева Т. Юркины бумеранги. М.: Детская литература, 2014. С. 127—314.
- (*Mikheeva T. Dve dorogi — odin put' // Mikheeva T. Iurkiны bumerangi. Moscow, 2014. P. 127—314.*)
- [Осеева 1952] — *Осеева В.* Васек Трубачев и его товарищи. Кн. 2. М.; Л.: Государственное издательство детской литературы, 1952.
- (*Oseeva V. Vasek Trubachev i ego tovarishchi. Kniga 2. Moscow; Leningrad, 1952.*)
- [Розанов 1936] — *Розанов С.* Алюта — воздушный слоненок. М., Л.: Детиздат, 1936.
- (*Rozanov S. Alyuta — vozdushnyi slonenok. Moscow; Leningrad, 1936.*)
- [Сеславинский 2010] — *Сеславинский М.* Частное пионерское. М.: Детская литература, 2010.
- (*Seslavinskii M. Chastnoe pionerskoe. Moscow, 2010.*)
- [Суслин 2008] — *Суслин Д.* Сокровище с неба. М.: ЭКСМО, 2008.
- (*Suslin D. Sokrovishche s neba. Moscow, 2008.*)
- [Эткинд 2016] — *Эткинд А.* Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (*Etkind A. Krivoe gore: Pamiat' o nepogrebennykh. Moscow, 2016.*)
- [Усачева 2002] — *Усачева Е.* Когда статуя оживает. М.: ЭКСМО, 2002.
- (*Usacheva E. Kogda statuya ozhivaet. Moscow, 2002.*)
- [Gillian 2010] — *Gillian P.* Introduction: Trash as Cultural Category // *Trash Culture: Objects and Obsolescence in Cultural Perspective* / Ed. by P. Gillian. Oxford; Bern: Peter Lang AG, 2010.
- [Neville, Villeneuve 2002] — *Neville B., Villeneuve J.* Introduction: In Lieu of Waste // *Waste-Site Stories: The Recycling of Memory* / Eds. B. Neville, J. Villeneuve. Albany: State University of New York Press, 2002.